

Глава 1

Наш мир сегодня похож на огромный котел. В этом котле мы варимся вместе с тобой. С нами еще около восьми миллиардов людей. Такого мира никогда не было. Ты можешь проснуться в своей шелковой французской постели, а уже через несколько часов – смотреть на стены древнеримского Колизея. Ни ты, ни я никогда не отметим свое двухтысячелетие. Но у нас с тобой есть шанс увидеть, как этот громкий юбилей отпразднует Колизей. Он будет принимать поздравления всего мира гордым молчанием. Мне кажется, к стенам Колизея из травертина и мрамора прикоснулся сам Бог. Иначе, скажи мне, как они выстояли до нашего с тобой времени?

Сегодня у нас с тобой есть шанс стать Человеком мира. Скажи мне, разве когда-либо до нас такое было возможно? Все эти телефоны, ноутбуки, планшеты и компьютеры? Они «проглатывают» сотни и тысячи километров. С ними ты одинок и не одинок одновременно. Только физическая связь все еще не поддается технологиям. Ванильные и клубничные поцелуи. Теплые и крепкие объятия, из которых иногда хочется выбраться как можно быстрее, а иногда – раствориться и молить того самого Бога, который прикоснулся почти две тысячи лет назад к мраморным стенам Колизея: «Еще чуть-чуть, пожалуйста. Вот так, крепче...». Есть такие объятия, в которых не можешь наполнить до предела легкие воздухом и молишь: «Еще чуть-чуть, пожалуйста...».

Знаешь, что еще «проглатывают» телефоны, ноутбуки, планшеты и компьютеры? Они «проглатывают» наше время. Может быть, ты теряешь больше, чем я. А может – наоборот.

Однажды она бросила вызов. Это случилось десятого июня. Летнее солнце уверенно проскальзывало между зеленых веток, заглядывало в самые дальние уголки жужжащих улиц и по-настоящему грело. Июньское утро достаточно теплое, чтобы сбросить обувь, пройтись босым по сочной траве и глубоко прогретой земле. Прохладные капли росы пробуждают мгновенно. Ты подставляешь свое сонное лицо мягким лучам солнца. Никаких SPF-защитных кремов, которые сегодня болтаются в каждой второй женской сумочке. Ты понимаешь, о чем я? Все эти защитные крема – такая чушь, если хочешь знать мое мнение. Теплые. Рассветные. Точно такие же сонные, как и мы с тобой, мягкие лучи июньского солнца не принесут вреда.

Лето. Впереди – целая жизнь. Ты же знаешь, что лето называют маленькой жизнью? И не зря. Мари в то утро проснулась, так и не ложившись. Ближе к двенадцати она свернулась калачиком на своей прохладной сатиновой постели цвета Тиффани. Кто бы мог подумать во времена юного Колизея, что когда-то появится цвет Тиффани. Не красный, синий или зеленый. Это будет Тиффани. Что-то среднее между цветом самой глубокой точки океана и гребнем волны чистейшего в мире моря.

Мари выключила настольную лампу. Иногда засыпала, так и забыв опустить вниз едва заметный металлический рычаг. Она могла уснуть под тусклым светом лампы на двадцать втором этаже стеклянного небоскреба в самом сердце Чикаго то ли полусидя, то ли полулежа. Голова мягко падала на две большие, провалившиеся под тяжестью давления, подушки.

Первые полчаса прошли в раздумьях. Клубок мыслей в голове Мари становился все запутаннее, а ей, конечно, хотелось наоборот. Около двух часов она в десятый раз потянулась за телефоном под настольной лампой. Шестнадцатый раз. Отдернула резко руку, будто на нежную кожу щедро пролили кипяток. Все предыдущие разы она даже не заметила. Словила себя на мысли, что именно это и не дает уснуть – постоянное желание уткнуться носом в телефон: проверить сообщения, что-то поискать в интернете, посмотреть мелодраму с хеппи-эндом и заплакать от счастья, что все это у нее – впереди.

Немного сумасшедше и не поддаваясь никаким законам логики, неслась ее прекрасная жизнь. По законам логики, как? Тебе двадцать восемь. Или тридцать. Пускай, даже тридцать пять. Найди себя. Затем найди его. А после – примени наконец-то когда-то сохраненные рецепты заварных эклеров на деле. Дети их обожают. А муж как обрадуется. И вот никакой логики в жизни Мари не было. Как-то все слишком стремительно и, кажется, абсолютно не туда. Утром – ноутбук. Ночью – телефон. Днем – все вместе. Доходило до мигрени и даже – тошноты. Редкие прогулки в парке вечером на следующий день казались, будто из другой жизни. Ночью Мари могла часами смотреть в телефон, в потолок, в тусклый свет настольной лампы, а клубок мыслей в голове становился все запутаннее и туже.

Мари получала сообщения даже ночью. Работа литературного агента – круглосуточная. В семнадцатый раз рука зависла в воздухе и мягко опустилась на прохладную простыню. Цвет Тиффани был ее любимым цветом с детства. На седьмой день рождения отец подарил роскошное длинное платье. Мари никогда раньше не видела такого цвета. Только вазон с нежной маминной фиалкой, который стоял на кухонном подоконнике, немного совпадал в цвете с новым платьем. Как и все девочки ее возраста, Мари мечтала стать принцессой. Может быть, не сегодня. И даже не в свой следующий день рождения. Но когда-то это случится, обязательно. То платье, струящееся мелкими складками ровно от середины талии до детских пяток вниз, Мари любила больше всех своих кукол, помад (которые она тайно брала из маминной косметички), браслетов и серег. И даже молочный шоколад с цельными орехами Мари любила меньше.

Семнадцатый раз стал последним, но сон так и не пришел в ту ночь. Чувствуя себя абсолютно уставшей, будто после десятичасового перелета, Мари неохотно опустила стройные ноги с неприлично тонкими голеньями на мягкий ворс белоснежного, но уже слегка потерявшего свою магазинную белизну, ковра. Он достался ей за полцены на рождественской распродаже два года назад. Мари с трудом представляла, как переживет сегодня почти десятичасовой перелет, но передумать или отменить что-либо, заранее решенное и спланированное, – не о ней. Ее решимости могли бы позавидовать даже древнеримские гладиаторы, а спонтанности... О спонтанности Мари знала только из книг и фильмов. От своего рождения и вплоть до этого дня. Десятого июня.

– Do you speak English? ¹

Мари задала этот вопрос в двенадцатый или тринадцатый раз. Она сбилась со счета. В ответ женщина с легкой проседью, затерявшейся среди когда-то роскошных каштановых волос, только замотала быстро головой из стороны в сторону. Она проделала это несколько раз, чтобы незнакомка с почти метровым чемоданом на трех колесах даже не сомневалась – она не знает английский. Четвертое колесо отпало примерно пятнадцать минут и пятьсот

¹ Вы говорите по-английски?

метров назад. Все эти пятьсот метров Мари катила свой раздутый чемодан по грунтовой дороге. Но один камень, попавшийся на пути, стал фатальным. Колесо отскочило в сторону. Мари подняла его запыленным, слегка оттряхнула и положила в верхний карман своего серого, как дорожная пыль, чемодана. И здесь она подумала: «Как хорошо, что я иногда делаю практичные покупки». Немного кружилась голова. В самолете спала от силы два часа. Еще полтора – в автобусе по дороге сюда.

– Do you speak English?²

Мари размахивала в руках бумажкой так отчаянно, что молодая девушка, одетая в легкий разлетающийся сарафан в белую ромашку, решила подойти ближе и сложить прыгающие буквы во вмятанные слова. Она несколько раз коснулась бумажки, повертела в разные стороны, изобразив на лице заинтересованность. Затем аккуратно взяла бумажку в руки и продолжила вертеть, меняя наклон головы и бумаги одновременно.

– Там! – девушка так внезапно и громко крикнула, что Мари чуть было не подбросила плечи вверх от испуга. – Там, это там! – она продолжала что-то утверждать и показывать пальцем в сторону узкой улицы, которая начиналась с симпатичного белого дома, покрытого кривой рыжей крышей.

Указательный палец, направленный в сторону этой улицы, наконец-то привел к нужному месту.

– Thanks³. – Мари подарила девушке свою улыбку, полную облегчения и благодарности, а вместе с ней положила на раскрытую ладонь пять долларов. Быстро обхватила руку, в которой лежала новая купюра, и слегка сжала. Кулак получился таким кукольным, что Мари начала искренне им любоваться.

– Нет, нет! – снова громкий возглас, и девушка закивала отрицательно головой. Незнакомка отказывалась брать деньги, которые для нее, Мари, были вполне нормальной благодарностью за оказанную помощь.

– Yes⁴. – И Мари сжала кукольный горячий кулак еще сильнее.

Девушка подняла вопросительно плечи вверх и на прощание расплылась в нежной улыбке. Она отдалялась в противоположном от белого дома с рыжей крышей направлении.

Разлетающийся сарафан в мелкую белую ромашку мелькнул в последний раз. Мари остановилась со сломанным трехколесным чемоданом на углу той самой улицы, на которую ей указали с громким возгласом: «Там!». Белые кроссовки стали серыми от грунтовой пыли.

Через десять минут о том, что в поселке появилась стройная молодая блондинка, знали практически все.

² Вы говорите по-английски?

³ Спасибо.

⁴ Да.

– Смотри, смотри! – Мелкая белая ромашка на платье мелькала так быстро, что было сложно разобрать, ромашка ли это вообще? Аня, дочь местной продавщицы продуктового, разжала влажный от июньской жары кулак и поднесла раскрытую ладонь со смятой купюрой к удивленным глазам ничего не понимающей матери.

– Что это? – Мать Ани все еще не знала, почему ее дочь влетела в магазин с такой скоростью, что чуть не сбила с ног пожилого покупателя, и откуда на ее ладони взялись пять долларов. Она настраивала себя, как обычно, на худшее, поэтому заранее сдвинула брови как можно ближе к переносице и ждала объяснений.

– Это мне заплатили. За помощь, – поспешила добавить Аня, так как прекрасно знала, что означают брови матери, сдвинутые настолько близко к переносице. – Я встретила девушку. Блондинку. Высокую такую. Красивую. От нее приятно пахло духами. Очень дорогие, наверное. Она говорит только на английском. Но я же немного знаю английский и смогла ей помочь.

Когда брови местной продавщицы начали медленно «расползаться» в стороны и становиться на свое привычное место, Аня сделала облегченный выдох.

– Что она хотела, эта блондинка?

Пока дочь с матерью говорили, как им казалось, между собой, в магазине выстроилась очередь: две старушки, один пожилой мужчина и две подруги-школьницы. Последние особенно любили свежие сплетни, поэтому, не дожидаясь своей очереди и забыв о том, зачем пришли, выбежали из магазина. Старушки внимательно вслушивались в каждое слово, а пожилой мужчина делал вид, что ничего не слышит, и ему нет никакого дела до только что прибывшей в поселок блондинки. Но всем было одинаково любопытно: «Кто такая и что здесь забыла?».

– Она показала мне бумажку. С адресом. Ну... А я ей показала, где находится этот дом, – девочка перешла на полусшепот, так как пристальное внимание очереди ее смущало.

– И что за дом она искала? – брови снова немного направились навстречу друг другу.

– Дом на улице Мицкевича. Тот. Пустой. – Аня резко обернулась лицом к очереди и бросила возмущенный взгляд. Несколько пар любопытных глаз она буквально чувствовала на своей мокрой от бега спине.

Продавщица после лаконичного «Хм» молча показала дочери рукой, чтобы та отошла в сторону и пропустила столпившуюся очередь к прилавку. Аня сжала честно заработанную купюру в кулак и сделала два шага назад. Конечно, ей хотелось поделиться новостью не только с матерью. У нее были подруги. Несколько. А точнее – три подруги, с которыми она могла делиться тем, чем иногда не могла поделиться даже с матерью. Ане было шестнадцать. Первая любовь уже давно растерзала ее неопытное сердце и научила главному: «Первая – редко последняя». И пока она получала первый опыт, схожий с сюжетами американских мелодрам (по крайней мере, она пыталась найти сходства), ее подруги уже имели за плечами несколько любовных историй. Что дальше? Ане было неизвестно. В поселке, где проживало не больше пятисот человек, все друг друга знали. Аня не видела здесь парня, с которым можно было не просто дружить. Утешало одно: в

следующем году она будет поступать в университет и обязательно поступит. После – переезд в столицу и новая прекрасная жизнь.

Когда в небольшом поселке появляется новый человек, он автоматически оказывается в центре внимания. Но здесь давно никто не появлялся в одиночку. Только новые семьи, которые быстро знакомились с местными, приглашали соседей на яблочные пироги или фирменные торты и начинали обустраивать свою жизнь согласно местным традициям, обычаям и даже некоторым правилам. Например, в каждом дворе были кормушки для птиц. Если в твоём дворе нет кормушки – ты автоматически не принимаешься местным обществом. Даже возле заброшенных домов на деревьях висели, перекосившись, ветхие деревянные кормушки. Там давно никто не подбрасывал ни зерна, ни крошки хлеба, и таких домов на весь поселок было три.

Возле одного из них остановилась Мари. Когда-то густо выкрашенный зеленой краской деревянный забор «светился» серыми полосами сквозь облупленную и давно выгоревшую краску. Калитка открыта. Забор в некоторых местах наклонился близко к земле. Светлоголубые глаза Мари заметно потускнели и приобрели оттенок хмурого неба перед летней грозой. Она медленно перевела взгляд с ветхого забора на не менее ветхий дом из белого кирпича, дотронулась ладонью к вспузырившейся и давно высохшей краске, которая от касания отвалилась на сухую июньскую землю. На стенах видны широкие трещины, но сам дом выглядел вполне жилым, несмотря на трещины и густо поросшую вокруг траву. Калитка открыта. Мари едва толкнула ее вперед, как на землю снова осыпалась высохшая, когда-то ярко-зеленая и густая краска. Кто-то приходил во двор. От калитки до крыльца дома протоптана узкая тропинка, а высокая трава послушно отклонилась по обе стороны тропинки и щекотала голые колени проходящей мимо Мари. Она с трудом несла свой трехколесный чемодан, бросая несколько раз его на стоптанную сочную траву. Мари посмотрела по сторонам. Ей казалось, что за ней наблюдают. Пристально, с интересом и знанием того, почему она, Мари, приехала в этот всеми забытый дом. Но вокруг – ни души. Громко лаяли собаки. Мимо, с грохотом и шумом, проехала машина. Никто не видел Мари. Растерянную, заметно расстроенную и одновременно – умиротворенную. На старом бетонном пороге она поставила чемодан в сопровождении облегченного выдоха и свернула за угол дома. Вернулась с противоположенного угла через несколько секунд. В руке держала ключ, заметно потемневший от времени.

В дом приходили. Приходили часто, и это было заметно по тщательно вымытым полам в прихожей, кухне, гостиной и небольшой спальне в дальнем углу дома. Незнакомый для Мари запах. Смесь ветхого дерева, яблочного варенья и свежего молока. Хотя здесь давно не было ни яблочного варенья, ни свежего молока, ни живых разговоров. Около пяти минут она бродила по дому. Заглядывала по несколько раз в каждую из комнат, будто заглянув повторно, надеялась обнаружить что-то новое и незамеченное в первый раз. Солнечный свет пробивался сквозь легкую кухонную тюль, украшенную витиеватыми узорами. Мари перебирала в руке края тюли, и это были новые ощущения. Никогда раньше она не видела чего-то подобного. Так нежно, мягко и по-настоящему эстетично. На столе – до блеска вымытая посуда, будто только-только завершился завтрак, допито теплое свежее молоко, а хозяйка вышла во двор и скоро вернется. В дом никто, конечно, не вернулся. Но кто-то тщательно подготовился к приезду Мари. В доме была гостиная и две спальни. Одна из них – совсем крохотная. Та самая, которая в дальнем углу. В эту дальнюю спальню Мари занесла свой потрепанный дальней дорогой чемодан. Небольшая, солнечная, теплая спальня. Узкая кровать вдоль начисто белой стены, письменный стол, деревянный стул с

высокой спинкой и шкаф, дверцы которого не закрывались наглухо – это все, что здесь было. Мари подошла к окну и резко отдернула тяжелые шторы в стороны. Июньское солнце моментально ворвалось в комнату, без особого приглашения и спроса.

Она присела на край кровати, застеленной до пола свисающим и еще прохладным покрывалом, приподняла края и обнаружила чистую постель. К ее приезду, действительно, подготовились. Мари повесила покрывало на спинку единственного в этой комнате стула и легла на пуховое прохладное одеяло. Постель пахла то ли морской свежестью, то ли полевой ромашкой. Она не разобрала. Крепкий сон ждал Мари вот уже вторые сутки, оставив один на один с мыслями еще там, на двадцать втором этаже стеклянного небоскреба Чикаго. Одеяло оказалось мягким как кучерявое облако, к которому можно дотронуться пальцами и тут же провалиться в невидимый никому небесный хлопок. Во сне Мари блуждала пустыми коридорами, общалась с зеленоглазой женщиной – и, наконец, проснулась с ощущением забытой давно бодрости. По привычке и сквозь медленно уходящий сон пыталась нащупать телефон, который должен был оказаться под лампой. Но телефон Мари не нащупала, как и тумбу, на которой стояла лампа. Улыбка. Сладкое потягивание в новой, непривычно узкой кровати, и осознание того, что спонтанность – все-таки прекрасно.

Когда сон полностью отпустил, а зеленоглазую девушку из сна так и не удалось распознать, Мари услышала громкое урчание. Желудок напоминал о себе все громче и громче. Конечно, Мари не знала, где поблизости находится продуктовый, но точно знала, что найдет его быстро. Все оказалось еще проще, чем она думала. Через три минуты размеренного шага под палящим июньским солнцем вглубь улицы Мицкевича Мари увидела магазин. Серые, голубые, карие – все глаза были прикованы к недавно прибывшей блондинке.

– Что ей здесь нужно? – единственный мужчина из удивленной компании отводил глаза в сторону, демонстрируя всем своим видом, что ему нет никакого дела до этой американки.

– А кто сказал, что она – американка? – с живым интересом в голосе спросила молодая девушка, не больше двадцати.

– Не знаю. – Тот самый «безразличный» мужчина поднял плечи вверх и задержал их высоко-высоко на несколько секунд. – Так говорят.

– Она на американку не очень похожа, – живой интерес сменился пренебрежением, как это часто бывает между красивыми девушками.

– А почему нет?

– Лицо круглое, – еще больше пренебрежения в голосе. – Голень как у француженки. Тонкая до безобразия.

– Зато красивое, – мужчина не выдержал и устремил вместе со всеми свой взгляд на круглолицую блондинку. Она была настолько близко, что, если бы могла разобрать, о чем они говорят, наверняка смутилась. Но Мари не была смущена. На лице милая улыбка, глаза блестят живым интересом ко всему окружающему.

– Что красивое? – Пауза продлилась несколько секунд. Конечно, все знали, что она не разберет ни слова, но на всякий случай «проглотили» языки и выждали, пока Мари переступит порог магазина и скроется из глаз.

– Лицо у нее красивое, – в разговор «включился» еще один мужчина. Ему было за пятьдесят, но глаза блестели при виде новой гостьи, будто ему по-прежнему двадцать.

– Обычное круглое лицо, – уже с явным недовольством проигравшей ответила единственная в этой компании девушка. Она тоже была хорошенькой. Большие карие глаза, пухлые губы и каштановые волосы ниже лопаток. Вот только длинный нос с горбинкой немного диссонировал с ее кукольными глазами. Пара карих больших глаз провожала Мари в спину, пока та не скрылась в скудном дневном свете. Окна магазина были небольшими, поэтому солнце с трудом пробивалось вовнутрь. Это была неприязнь с первого взгляда. Мари уловила недобрый женский взгляд мгновенно.

В магазине пусто. Мари встретила продавщица. Та самая, к которой сегодня утром вбежала с новостью Аня. Она пыталась улыбаться спокойно, а получалось – нервно. Продавщица нервничала, так как ни слова не понимала по-английски, кроме «hello⁵» и «how are you⁶». Она быстро выпалила то, что знала:

– Hello⁷. – А что говорить дальше – не имела ни малейшего понятия.

К удивлению продавщицы Мари сохраняла на лице спокойную доброжелательную улыбку, подняла указательный палец в сторону овсяного печенья, расположенного по правую руку от продавщицы.

– Это? – в ответ попытались завязать диалог, но потом быстро спохватились, потому что разговор никак не склеится из-за языкового барьера. – Ой, тьфу (и это «тьфу» было таким громким и искренним). Забыла.

– Yes⁸, – все так же доброжелательно ответила Мари, когда перед ней положили пачку овсяного печенья. – And⁹... – Она быстро пробежала взглядом по трем длинным полкам. – And this¹⁰.

Перед ней положили пачку риса.

– Thanks¹¹. – И снова все получилось удачно. – And this¹². – Мари направила указательный палец на вязку немного переспевших бананов. Они были густо покрыты коричневыми точками.

⁵ Привет

⁶ Как дела.

⁷ Привет.

⁸ Да.

⁹ И...

¹⁰ И это.

¹¹ Спасибо.

¹² И это.

За спиной Мари образовалась очередь. Ни единого слова. Ни единого звука. Только тихое сопение за спиной, а кто-то не удержался – чихнул. Все молча наблюдали за происходящим и так же беззвучно задавали вопрос: «Кто эта блондинка и зачем приехала?».

Когда Мари вышла с огромным пакетом из магазина, за ней наблюдали теперь со всех сторон: из магазинных окон, стоящие, будто случайно, у магазина и даже из окон соседних домов. Она не заглядывала в окна, но была уверена, что и там притаились те, кто провожает ее любопытным взглядом. Конечно, такое пристальное внимание льстило. Мари чувствовала себя Маленой – героиней одноименного фильма, где роковую брюнетку сыграла Моника Беллуччи. В отличие от Малены, у Мари были скромнее грудь и бедра. Только это все равно никак не уменьшало к ней интерес, наоборот – загадочности в ней становилось все больше и больше. Никто не знал, как зовут эту блондинку. Никто не понимал, что здесь забыла американка. А может, это и не американка? И самое главное – она поселилась в заброшенном доме на улице Мицкевича. В том доме, с ветхим зеленым забором, давно никто не жил. Восемь лет назад умер владелец дома – Иван. Старик был одиноким. Ни детей, ни внуков, ни жены. Те, кто жил в поселке третий десяток лет, говорят, что у Ивана была жена. И дети были. Двое. Кто-то говорил – трое. Но сам Иван говорил, что это все вранье. Нет у него никаких детей и никогда не было. Жена была, но ушла от него сорок лет назад. Это все, что было о нем известно. По большому счету, никакой точной информации не было. Последние восемь лет за домом ухаживала соседка. Она же ухаживала и за Иваном, когда он слег после очередного инсульта. Иван пил. Много и, кажется, всю свою жизнь. Говорят, так он заливал горе. Пытался забыть, что его бросили все. А когда кто-то вскользь пытался узнать о его личном горе, он отвечал: «Не лезь! Это не твое дело!». И на этом любые попытки заговорить с Иваном заканчивались провалом.

– Какая-то она слишком тощая, эта американка, – новые комментарии летели Мари в спину.

– Нормальная. Лучше так, чем... – пытался защитить непривычную для местных худобу мужчина, с горящими от интереса к новенькой глазами.

– А, ну, конечно! Лучше, чем твоя жена, – все столпившиеся у недавно построенного дома возле магазина громко засмеялись. И только один из смеющейся пятерки даже не улыбнулся.

– Идиоты. – Его пухлое лицо покрылось красными пятнами.

Мари прошла мимо в сопровождении громкого смеха. Она по-прежнему мило улыбалась. Казалось, она улыбается даже наедине сама с собой. Часто именно так и было. Она любила жизнь. С неповторимыми запахами, вкусами, событиями. Только она перестала ее замечать. Жизнь проходила мимо, а взамен – бесконечный поток писем, звонков, суеты, разговоры о чем-то важном и том, что совсем не имеет никакого смысла. На десерт – бессонница. Еженочно. Мари привыкла к бессонным ночам, остывшему кофе и забытому на плите завтраку. Она научилась на ходу обедать, одновременно прижимая щекой к поднятому плечу телефон. И какое-то время верила в нормальность происходящего. Квартира на двадцать втором этаже небоскреба в самом сердце Чикаго – это прекрасно. Нет, это мечта! По правде сказать, в квартире Мари проводила только ночи. Бессонные. Она не могла вспомнить, когда в последний раз, например, просто смотрела фильм, укрывшись шелковым покрывалом. Не могла вспомнить, когда готовила ужин. Жизнь проходила мимо. Мари об этом думала в те бессонные ночи, когда яркий свет экрана

телефона освещал ее уставшее, но такое красивое бледное лицо. Она действительно была круглолицей. Нетипично для американки. В голубых, слишком уставших глазах Мари всегда горел огонек. Она моментально становилась душой компании, даже если всех видела впервые. Улыбалась. Смеялась громко, звонко и запрокидывала голову назад. Могла смеяться до слез, после чего аккуратно вытирала глаза длинными тонкими пальцами, стараясь не задеть тушь на кукольных нижних ресницах. Было в Мари что-то аристократичное. То ли взмах руки, то ли наклон головы, когда она внимательно слушала собеседника. Тяжело объяснить словами. Просто нужно видеть: ее точеную талию, округлые (но небольшие) бедра и голубые, всегда улыбающиеся глаза.

В доме тепло. По-прежнему пахнет яблочным вареньем и свежим молоком. Мари быстро разложила продукты и принялась готовить ужин. Она проспала не меньше пяти часов и чувствовала себя сейчас бодро, как никогда за последние несколько месяцев. Первая попытка зажечь газовую плиту завершилась высоким пламенем и небольшим испугом. Дальше все получилось легко: две глазуньи, салат из сочных помидоров и шпината, свежий ржаной хлеб и кусочек нежного сыра. Аромат ржаного хлеба был чем-то необычным для Мари. Она хотела бы пропитаться ним до кончиков пальцев и от удовольствия закрывала глаза. Первый ужин в новом доме дался Мари нелегко. Спокойный, размеренный, неспешный. Он диссонировал с привычным для ее жизни ритмом: быстрым, слегка сумасшедшим и порой непредсказуемым. Мари жевала медленно и смотрела в одну точку, которую выбрала для себя на стене из миллиарда других. Затем точка начала постепенно расплываться, но Мари продолжала упорно держать на ней фокус. И еще кое-что было необычным. Нет, даже диким. Тишина. Привыкшая всегда находиться в окружении фонового шума, Мари чувствовала себя неловко. Никакой музыки. Никаких монотонных новостей. Ничего такого, что обычно сопровождало ее за завтраком, обедом и ужином. Это сковывающее чувство неловкости вызвало у Мари улыбку. Оно нравилось ей. Тишина. Размеренность приготовленного ужина. Аромат ржаного хлеба.

После ужина Мари продолжила изучать дом. У них должна случиться любовь. Взаимная. Магическая. Преданная. Мари прошла во вторую спальню. Как и в ее спальне, здесь были наглухо задернуты шторы. На столе лежали книги, какие-то исписанные бумаги и ручка. Все это аккуратно собрано и сложено в высокую стопку. Казалось, за этим столом сидели несколько минут назад, и, если дотронуться до ручки, она отдаст тепло недавно касающихся пальцев. Прошло долгих восемь лет с того момента, когда к этой ручке действительно прикасались мясистые длинные пальцы. Пучки этих пальцев грубые, а кожа покрыта бронзовым загаром и пропитана запахом плодородного чернозема. Мари отдернула шторы. В спальню ворвалось летнее солнце, но от этого не стало уютнее. Кровать, стол и старый стул, спинка которого свисала вниз и держалась на одном ржавом гвозде. Больше ничего здесь не было. Голый матрас в нескольких местах просвечивался глубокими дырами, из которых торчали пружины. Единственное, что служило украшением этой спальни, – портрет. Он висел над кроватью. Мари не сразу обратила внимание на дополнение. Она сняла портрет с гвоздя, одиноко торчащего над старым потрепанным временем матрасом. На матрас мелкими хлопьями посыпалась пыль. Остатки на портрете Мари стряхнула рукой и подошла поближе к солнечному свету. Молодое, беззаботное и такое хорошенькое лицо. Густые черные брови, большие карие глаза и кроткая улыбка. Волосы заплетены в толстую косу, переброшенную через левое плечо. Кончик косы свисал гораздо ниже полной груди, спрятанной за белой вышитой рубашкой. Карие глаза светились счастьем. Это то, что Мари заметила прежде всего прочего. Руки сложены лодочкой на коленях. Пальцы. Тонкие, длинные, аристократичные. Мари осторожно

гладила портрет незнакомки мягкими пучками своих, не менее тонких и аристократичных, пальцев. Смотрела ей в глаза и отвечала на улыбку улыбкой. Что-то неразборчиво прошептала и прижала портрет к груди. Плотно сжатые ресницы стали влажными, и, чтобы как-то совладать с волной смешанных эмоций, Мари сделала вдох, запрокинув голову назад, и затем – глубокий выдох, одновременно открыв свои голубые глаза с едва заметными красными прожилками на белках. Ей было грустно и радостно одновременно. Это как найти лучшего другого после долгой разлуки, но не иметь возможности встретиться с ним вживую. Не иметь возможности обнять. Рассказать все то, что скрываешь от миллиардов других. Только ему одному, единственному другу. Мари вышла из спальни с прижатым к груди портретом. Она принесла его в свою спальню и поставила на стол, подперев стопкой старых книг. Мари не знала, что это за книги. Сейчас ее это интересовало меньше всего. Главное – любовь случилась. Взаимная. Магическая. Преданная.

Этой ночью Мари бродила пустыми улицами, собирала спелые краснобокие яблоки с земли и с кем-то говорила. Но с кем – не могла вспомнить после глубокого и впервые такого продолжительного сна. Она проспала не меньше десяти часов. Несколько раз по привычке пыталась нащупать в потемках тумбу, а на ней – телефон. Но только разгоняла тонкими пальцами теплый летний воздух и отдергивала руку обратно. Мари открыла глаза под пение петухов и лай собак. Посмотрела на часы, которые сняла перед сном с запястья и положила на старый деревянный стол, кое-как покрытый потресканным от старости лаком. Это было самое сладкое пробуждение за долгое время. Мари чувствовала себя умиротворенной, спокойной, а может, даже счастливой. Она не пыталась разбираться в своих новых и давно забытых ощущениях. Ей предстояло учиться жить моментом и жить в моменте. Вот снова запел петух, и его громкую песню тут же подхватил другой. Где-то далеко залаяла собака и проехала машина. На ночь Мари оставила открытым окно, поэтому с рассветом спальня быстро наполнялась звуками привычной сельской жизни. Звуки растекались от угла до угла, от пола до высокого потолка, и впервые за долгие восемь лет в этом доме сладкого потягивались в лучах утреннего июньского солнца.

На второй день о Мари знали все. Вопросов становилось еще больше, а ответов – ни одного. Кто эта блондинка? Американка или нет? Почему она живет в доме покойного Ивана? Может, это его родственница? И если родственница, то откуда у Ивана родственники в Америке? Со всеми этими вопросами самые любопытные пришли к Софии. Ей было за пятьдесят или около того. Никто не знал, сколько лет на самом деле одинокой Софии, потому что ее лицо не имело возраста. Круглые, всегда налитые румянцем щеки, вполне могли принадлежать тридцатилетней, но, если присмотреться, на лбу и под карими уставшими глазами – густая паутина морщин. Да, жизнь Софии оказалась непростой. Десять лет назад она похоронила мужа. Детей у них не было. Осталась одна, но последующие два года стала ухаживать за Иваном, и ходили слухи, что между ними нечто большее, чем просто дружба. Но Иван годился Софии в отцы, поэтому этот слух быстро перестал «бродить» по поселку. София была молчаливой. Ее никогда не видели на сельских праздниках. Она ни с кем не водила дружбу, и даже соседи мало что могли о ней рассказать.

– Ее зовут Мари, она из Чикаго. Это все, что мне известно, – отвечала София тем любопытным, кто застал ее в собственном дворе за поливом будущего урожая.

– И что же она здесь делает, Мари из Чикаго? – продолжали сыпаться вопросы.

– Не знаю, – София продолжала орошать густую летнюю зелень и отвечала так, будто все ответы были заготовлены заранее.

– А кто ей дал ключ?

– Никто. Ключ всегда был во дворе, – монотонные ответы еще больше разжигали интерес.

– Но она же обратилась к тебе, правильно? Ты смотрела за домом все это время.

– Обратилась. Спросила, не знаю ли я свободного дома или комнаты на лето. Вот я и предложила.

– На английском? – казалось, Софию словили на горячем.

– Да. Переводчик. В телефоне. – Ее голос звучал ровно от первого до последнего вопроса.

«Все это как-то странно», – говорили в поселке. Американка из Чикаго приезжает в поселок. Селится в заброшенном доме, где жил одинокий старик. «София точно что-то скрывает», – утверждали самые проникательные. «У американки была бумага с адресом именно этого дома заранее!» – утверждала Аня, которая единственная во всем поселке общалась с Мари.

Обычное любопытство превращалось постепенно в настоящее расследование. Некоторые по несколько раз в день проходили, будто случайно, мимо дома и даже видели во дворе Мари. Одета в обтягивающие голубые лосины и футболку по фигуре, она пыталась справиться с буйной зеленью, которая все восемь лет прятала дом от чужих глаз. И у нее получалось. На третий после ее приезда день двор преобразился: ничто больше не скрывало старый кирпичный дом от любопытных глаз, а от калитки до порога узкая бетонная дорожка была расчищена от земли и поросшей травы. Дом ожил: всегда полуоткрыты начисто вымытые окна, а сквозь белоснежную ажурную тюль можно было разглядеть круглый кухонный стол на высоких ножках, щедро украшенный овощами, фруктами и чем-то еще, что было сложно рассмотреть издали.

Никто, проходящий мимо, не решался заговорить с Мари. Все понимали, что американка говорит только по-английски, но мало кто владел языком в поселке. Когда Мари встречалась взглядом с парой любопытных глаз, всегда улыбалась в ответ и кивала головой, что означало: «Здравствуйте, рада вас видеть». В ответ все отводили глаза, будто действительно проходили мимо по своим делам и случайно бросили взгляд в заброшенный двор. Мари это забавляло. Никогда раньше она не чувствовала столько внимания к себе. Каждый раз, когда кто-то проходил мимо и встречался с ней взглядом, а потом резко отводил глаза в противоположенную сторону, Мари хотела смеяться. Это выглядело забавно. Но она всегда сдерживала себя и сохраняла на лице милую улыбку. Чаще всего это были мужчины. О том, что прибывшая американка молодая и очень хорошенькая, знал весь поселок. К своему стыду, повод пройти мимо находили даже женатые и старики. Любопытство. Вот что руководило каждым мужчиной. У женщин было иначе. Молодая и хорошенькая – автоматически конкурентка для таких же молодых и хорошеньких. Один раз мимо мелькнули пышные каштановые волосы. Это была та самая девушка, которую Мари встретила возле магазина в свой первый день. Они встретились взглядами. Карие глаза метали молнии. Злые, с первой секунды невлюбившие

американку, они сверлили Мари с ног до головы. В ответ – все та же милая улыбка. И это еще больше раздражало ту, которая во всем поселке считалась самой красивой и общительной. Лиза общалась больше с мужчинами и меньше – с женщинами. У нее не было подруг. Она считала, что дружба между двумя женщинами – это всегда скрытая конкуренция. Конкуренция быть красивее, умнее, интереснее. В конце концов – конкуренция за мужчину. Лизе было двадцать три года. Мужчины воспринимали ее как хорошего приятеля, но никто не думал о ней всерьез как о потенциальной невесте или жене. Даже красивые карие глаза и густые каштановые волосы не спасали положения. Лиза жила с матерью на улице Мицкевича. Мари оказалась соседкой через три дома, и это Лизу злило еще сильнее. Она знала, что небывалое ранее количество мужчин на ее улице – это интерес к новенькой. К американке. Что делать со своей злобой, Лиза не знала. Но то, что эта неприязнь навсегда, знала наверняка.

– Hi¹³! – Мари подняла руку вверх в знак приветствия мимо проходящей Лизы.

– Hi¹⁴, – Лиза недовольно пробормотала сама себе, устремила взгляд вперед и ускорила шаг.

Дружбы с этой девушкой не получится. Теперь Мари была точно в этом уверена, наблюдая, как густые каштановые волосы отдалялись все дальше. У нее не было в планах найти здесь подругу. То, ради чего Мари приехала со стеклянной высотки Чикаго в заброшенный дом этого небольшого поселка, никак не было связано с поиском друзей. Скорее наоборот – эта поездка предполагала полное уединение. Мари никогда не боялась одиночества. Наедине с собой ей всегда было комфортно и как-то особенно хорошо.

За те несколько дней, которые прошли в догадках и сплетнях, жители поселка пришли к одному, как им казалось, логическому выводу. Эта американка заранее знала адрес дома, в котором будет жить. Значит, могла знать и хозяина дома. Но где между этим связь – никто не понимал. София продолжала утверждать, что приехавшая в поселок блондинка обратилась к ней с просьбой найти дом или комнату для временного проживания. И утверждала она это настолько уверенно, что ни у кого не осталось сомнений, что Аня, которая общалась с американкой, ошиблась. Скорее всего, она держала в руках не бумажку с адресом. Получилась ошибка, которая любопытных и сплетников вводила в заблуждение. В конечном итоге, за единственно правильную была принята следующая версия: круглолицая американка – родственница Софии, о которой та, по каким-то своим причинам, не хочет говорить правду. Кто-то даже предположил, что это ее дочь. Большинство, кто знал Софию не один десяток лет, категорически отрицали. Но то, что между Софией и американкой есть какая-то связь, согласились все.

– Как ее зовут? – к Софии заглянула в гости соседка. Принесла в небольшом ведре темно-красные сочные вишни и не упустила возможности поговорить о том, о чем говорит вот уже пятый день весь поселок.

– Кого? – без особого удивления уточнила София.

– Американку.

¹³ Привет!

¹⁴ Привет.

- Ее зовут Мари. – Она раскатывала тесто то ли на пирог, то ли на вареники.
- Это по-нашему Мария, получается?
- Наверное, – в голосе Софии было равнодушие человека, который знает то, чего не знают другие.
- Я здесь вишни принесла. – Соседка поставила ведро возле кухонного стола. – У нас много, а тебе на вареники пригодятся.
- Спасибо. – Нельзя было понять из ответов Софии: где она радуется, где огорчается, а где просто равнодушна. Она отвечала, как робот: всегда одинаково спокойный и тихий голос, монотонное звучание каждого слова, абсолютная безэмоциональность. Это многих раздражало.

Конечно, имя американки быстро разлетелось по поселку. Мужчины мечтательно вздыхали, медленно проговаривая каждую букву имени, а женщины пренебрежительно говорили: «Мари. Какое неприглядное и простое имя для американки».

За пять первых дней Мари появлялась в магазине трижды. Каждый раз покупала много овощей, фруктов и обязательно – темный хлеб. Продавщица ей всегда любезно улыбалась, кто стоял в очереди – молчали. Даже те, кто знал английский, боялись заговорить. Да и какой найти повод для разговора? Было решено коллективно, что заговорит та, которая говорила с американкой первой. Аню просили сходить и поинтересоваться, как приезжая гостя устроилась. Все ли хорошо? Может, чем-то нужно помочь? И заодно поинтересоваться, почему поселилась именно в заброшенном доме и кем приходится Софии. Некоторые мужчины, особенно холостяки, попросили узнать: замужем чикагская блондинка или свободна?

– Конечно, не замужем, – отвечала уверенно Аня, которая еще не успела сходить к Мари со списком вопросов.

– Откуда ты знаешь? Может, она не носит кольцо, – возражал сорокалетний холостяк, никогда за все свои сорок лет не знавший семейной жизни.

– Разве бы муж ее отпустил так далеко одну? Это же очевидно – не замужем, – настаивала та, которой посчастливилось встретиться на пути Мари в ее первый день.

– У многих американцев свободные отношения, – с уверенностью эксперта в вопросе отношений американцев возразил холостяк. – Но как знать. Как знать.

Аня решила, что отправится к Мари утром следующего дня. Ей очень хотелось подружиться с хорошенькой американкой, которая вызвала своим приездом ажиотаж во всем поселке. Впервые Аня говорила по-английски с тем, для кого этот язык родной. Она немного стеснялась своего явного акцента и, скорее всего, неправильного произношения многих слов. При поступлении в университет экзамен по английскому будет одним из главных, поэтому на стеснения и боязнь не оставалось времени. Уже в следующем году ей жизненно

необходимо стать студенткой столичного университета. Это цель, от которой она, девушка из небольшого поселка, не собирается отступать.

Пятый день, полон сплетен и любопытства, вспыхнул ярким огненно-рыжим пламенем и закатился за ясное июньское небо. После заката в поселке все превращалось в едва слышный шорох, шепот, и только громко лающие собаки не придавали никакого значения всеобщей подготовке к предстоящей ночи. Жизнь в этом украинском поселке была размеренной, ровной, можно даже сказать, стабильной. Несмотря на близость к столице, мало кто из жителей поселка мечтал уехать. Наоборот – из поколения в поколение передавались традиции, местные правила и привычки. Если спросить у любого жителя, почему он не хочет переезжать в столицу, до которой было не больше пятидесяти километров, вы услышите что-то вроде: «Я родился здесь, понимаете? И мои родители родились здесь. Да и холмы, река, лучшая в округе ферма. Нет, я ни за что не перееду. Разве что... Нет, я хочу, чтобы и мои дети остались жить здесь». Действительно, именно в этом поселке была лучшая ферма в округе. Когда-то небольшой семейный бизнес превратился в местную гордость. И если спросить, чем гордится поселок, вам ответят: «Фермой. У нас лучшая ферма в округе. Вы пробовали когда-нибудь клубнику, сладкую, как мед? А мы здесь каждое лето едим лучшую в округе клубнику. Нет, лучшую в мире клубнику. Это так вкусно. Приезжайте к нам в июне, попробуйте». Многие работали на ферме десятки лет. Здесь находилась работа на грядках даже для подростков, и те с радостью вносили свой вклад в общее дело. Хозяин фермы был один – Алексей. Молодой приемник семейного бизнеса проводил на ферме дни и ночи, контролируя все процессы и принимая активное участие в сборе урожая лично. Мать Алексея получила ферму в наследство от своего отца. Тогда это был небольшой семейный бизнес, который снабжал жителей села свежими овощами, фруктами, молоком и сыром. С тех пор прошло чуть больше пятидесяти лет. Мать Алексея умерла, когда сыну исполнилось двадцать. Отец – через два года. Единственным наследником семьи был Алексей, и за двенадцать лет самостоятельного управления ферма стала одной из самых крупных в регионе. Алексея уважали все, но очень трудно было завести с ним разговор. Молчаливый, сосредоточенный на делах фермы, Алексей не любил тратить время на пустые разговоры. Даже разговоры по делу длились не дольше пяти минут. «Завидный жених», – говорили об Алексее те, кто имел взрослых дочерей и мечтал о самой лучшей для них судьбе. «С ним даже поговорить нельзя. Слова не вытянешь», – с огорчением говорили те самые дочери, но украдкой посматривали на богатого наследника.

Алексею было тридцать четыре года. Не был женат и, как казалось всем жителям поселка, даже не думал о женитьбе. «Такие, как он, не женятся. Он любит свою ферму и одиночество», – утверждали мужчины, которые знали его лучше других. С закатом все работы на ферме прекращались, но Алексей оставался там дольше всех. Он жил на ферме. Его небольшой дом в один этаж под темно-зеленой крышей находился на территории фермы. Он достроил его перед смертью отца и теперь жил здесь в полном одиночестве. Часто сидел на крыльце. Ночью. Мог сидеть неподвижно час, два и даже до рассвета. А с рассветом возвращался к делам фермерским, и невозможно было объяснить, как человек мог обходиться без сна, при этом оставаясь настолько энергичным и активным.

Богатый наследник не был обделен мужественностью в чертах лица и физической привлекательностью тела. Таким же высоким и широкоплечим брюнетом был его отец. Тяжелый взгляд – то, что запоминалось всем без исключения при первой личной встрече с ним. Кто работал на ферме, говорили, что невозможно смотреть ему в глаза и чувствовать себя спокойно. Внутри моментально поднималось какое-то волнение, возникало чувство

дискомфорта, и хотелось как можно быстрее завершить разговор. Особенно боялись говорить с Алексеем девушки. Они смущались, отводили глаза в сторону, а объяснить сами себе причину такого поведения не могли.

Местный холостяк действительно был очень красив. Улыбку на его лице видели редко, но со всеми работниками он общался вежливо, сдержанно, с уважением. Когда улыбка все-таки появлялась, менялся и взгляд. Пропадала «тяжесть», появлялся огонек, и тогда к собеседнику приходило самообладание вместе с ощущением внутреннего комфорта. Наверное, он был единственным в поселке, кто до сих пор ничего не слышал об американке. Работники, конечно, активно обсуждали заокеанскую гостью между собой, но Алексей не имел привычки слушать и даже слышать чужие разговоры.

На утро шестого дня Аня собралась навестить американку и узнать все, что так не дает жителям поселка покоя. Хотела отправиться в восемь, но решила, что гостя может в такое время еще спать. В семь часов Мари уже была в небольшом саду за ветхим, но все еще пригодным для жизни, доме. Босая, она остановилась у невысокой яблони и замерла, опустив руки вдоль вытянутого, как струна, туловища. Закрывает глаза, подставила светлую, слегка персиковую кожу лица солнцу и так простояла не меньше десяти минут. Прохладная утренняя роса не смущала Мари. Наоборот – она впервые стояла на мокрой траве босыми ногами и была от этого бесконечно счастлива. Странно, наверное, впервые за двадцать восемь лет жизни коснуться голыми стопами прохладной утренней росы. Но это было так.

Только Мари убрала со стола ароматный ржаной хлеб и остатки завтрака в виде недоеденных овощей, как в дверь робко постучали. Без особого любопытства, ступая босыми ногами по старому деревянному полу, Мари открыла дверь, которая никогда не запиралась на ключ. Она не запирает дверь даже ночью. Не имела такой привычки, и ей казалось это нелепым. На пороге стояла Аня, стесненная собственной робостью и не знающая, с чего начать разговор.

– Good morning¹⁵, – Мари первая завела разговор, видя перед собой абсолютно смущенного ребенка. Конечно, она узнала Аню сразу. – Come in, – продолжала американка, сопровождая свое приглашение светлой и широкой, как это обычно бывает у американцев, улыбкой.

Аня не нашлась, что ответить, настолько неловко ощущала себя в этот момент, но переступила порог. К Ивану никто никогда не заходил, кроме Софии. Аня была здесь впервые. То, что сразу бросилось в глаза, – изобилие солнечного света по правую руку. Там была кухня.

– Come in, come in¹⁶, – подбодрила девушку Мари и пошла на кухню, приглашая взмахом руки за собой.

На кухне пахло свежим молоком.

Мари указала рукой на стул, а сама села напротив. Широкая улыбка не сходила с ее лица. Мари понимала, что это единственная возможность как-то расположить девочку к себе и

¹⁵ Доброе утро.

¹⁶ Проходи, проходи.

начать диалог. Аня все еще чувствовала себя неловко и оглядывалась по сторонам в надежде найти что-то интересное или зацепиться взглядом за предмет, который может послужить началом для разговора.

– Tea¹⁷? – Мари снова пыталась наладить разговор.

– No, thanks¹⁸. – Впервые Аня общалась с американкой, и от осознания этого ей становилось еще страшнее. «Что сказать? Как правильно сказать? А вдруг она меня не поймет?» – все эти вопросы на повторе прокручивались в ее юной голове.

– Nice picture¹⁹, – указательный палец Аня направила на картину, которая висела над столом. Лесная поляна, в окружении вековых сосен и теплых рассветных лучей летнего солнца.

– Oh, yes²⁰, – подбадривала девочку Мари. – Very nice²¹.

Дальше разговор не клеился. Мари перестала делать попытки завязать диалог, а Аня продолжала сидеть молча, снова и снова бросая испуганный взгляд на пустые стены.

Вспомнив о том, что она здесь представляет интересы буквально всего поселка, Аня подобрала, как ей казалось, правильные слова и осмелилась задать первый безобидный вопрос:

– How are you? Everything is good²²? – будучи не совсем уверенной в правильности второго вопроса, Аня засмушалась и чувствовала, как ладони стали ощутимо влажными.

– Yes, thanks! This is such a beautiful place²³, – ответила с неподдельным восторгом американка. Ее такой мягкий и доброжелательный ответ вселил в Аню больше уверенности.

– How did you find this house²⁴? – точно ли правильно говорить «how did», Аня не была уверена. Но чувствовала, как страх отступает, и решила перейти к главному вопросу.

– Oh, I found an ad on the internet²⁵, – ответ был уверенным, без единого сомнения.

И вот здесь Аня поняла, что принесет для жителей поселка абсолютно сенсационную информацию. София и Мари говорят разное. Значит, кто-то из них говорит неправду. Или обе обманывают? Ане хотелось тут же вскочить, сделать благодарный кивок и убежать, но правила приличия, которым ее обучали с рождения, остановили. Мари заметила перемену

¹⁷ Чай?

¹⁸ Нет, спасибо.

¹⁹ Красивая картина.

²⁰ О, да.

²¹ Очень красивая.

²² Как вы? Все хорошо?

²³ Да, спасибо! Это такое прекрасное место.

²⁴ Как вы нашли этот дом?

²⁵ О, я нашла рекламу в интернете.

в лице девочки. Широко распахнутые глаза не смогли скрыть удивления. Аня смотрела прямо на Мари, даже не моргая.

– Good. I'm glad that you are feeling well²⁶, – правильно она сформировала фразу или нет, Аня не особо переживала.

Ей хотелось как можно быстрее уйти. Но, вспомнив о своем желании подружиться с американкой, она добавила еще одну фразу:

– I am always ready to help you²⁷, – Аня говорила с явным для американцев акцентом. Но совсем неплохо как для поступления в столичный университет уже через год. После она положила на стол бумажку, на которой заранее записала свой номер телефона. К огромному удивлению Мари отодвинула бумажку и помотала головой, повторяя едва слышное «No, no²⁸».

Что это, отказ от дружбы? Или получилось какое-то недоразумение? Аня не понимала.

– Я пойду? – гостя поднялась и рукой показала в сторону выхода. Она совсем забыла, что говорит с американкой и выпалила вопрос на русском. В глазах Мари Аня прочла понимание происходящего и в сопровождении лаконичного «Of course²⁹» быстро направилась к выходу.

Вместо ответов на интересующие вопросы особо любопытные жители поселка загорелись еще большим интересом. Кто же говорит правду, а кто обманывает? К числу особо любопытных относились практически все. Даже дети были вовлечены во всеобщее расследование и придумывали свои варианты происходящего: «Это тайный агент», – говорили между собой школьники. «Или это совсем даже не человек...» – выдвигали свои предположения те, у кого фантазия была более развита и генерировала на первый взгляд нереальные предположения.

Первая неделя жизни поселка с приезжей американкой подходила к концу. Правду никто так и не знал. Чем больше отдалялась правда – тем меньше становился интерес к ее поиску. На Мари перестали бросать косые взгляды. Она все реже слышала тихие комментарии в спину, когда проходила мимо раскаленных на июньском солнце домов. Да и нельзя сказать, чтобы Мари давала новые поводы для обсуждений. Она выходила только в магазин, где всегда брала один и тот же набор продуктов. Под конец недели Мари подумала, что было бы неплохо найти свежую зелень и овощи. В магазине всего этого было мало, а иногда – совсем ничего не оставалось. Она решила спросить об этом у Ани, но как найти девушку – не знала. Как часто это бывало в жизни Мари, она решила просто довериться миру. Пускай Вселенная все решит. У нее на каждого есть свои планы. Умение доверять Вселенной у Мари не было врожденным. Приобретенное. Бережно сформированное и подкрепленное обещанием никогда не волноваться, если что-то пошло не так. Этому не учат в школе, и никто в семье не рассказал Мари в детстве о том, что доверять – важно, отпустить ситуацию – необходимо, что все обязательно будет так, как необходимо именно тебе.

²⁶ Отлично. Я рада, что вы чувствуете себя отлично.

²⁷ Я всегда готова вам помочь.

²⁸ Нет, нет.

²⁹ Конечно.

Однообразность и монотонность сельской жизни не смущала Мари. Она не знала скуки. Не вспоминала о жизни в Чикаго, где оставила сотни бессонных ночей. За неделю своей новой сельской жизни Мари ни разу не встретила лицом к лицу с бессонницей. Сон был сладким, продолжительным, калейдоскопичным. В каждом из снов – новые лица, душевные разговоры и даже советы. Но ничего из перечисленного Мари не могла вспомнить на утро. Только девушку с зелеными глазами запомнила хорошо. Она приходила в сон Мари дважды. И оба раза внимательно изучала ее, подолгу молчала и совсем немного говорила. О чем были разговоры – Мари, конечно, не могла вспомнить. Но эти сны отпечатывались на душе легкостью и теплом. После них было спокойно, а новых встреч во сне Мари ждала с нетерпением.